

Р.З. Усеев

**ЗЛОСТНОЕ НЕПОВИНОВЕНИЕ ТРЕБОВАНИЯМ АДМИНИСТРАЦИИ
ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ,
ОТВЕТСТВЕННОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Отдельные субъекты уголовно-исполнительных правоотношений, обеспечивающие исполнение наказаний в виде лишения свободы, выступают с инициативой рассмотреть вопрос о предложениях по внесению дополнений и изменений в действующий УК РФ. Данные изменения должны предусматривать уголовную ответственность за злостное неповиновение законным требованиям администрации исправительного учреждения со стороны осужденного, если это лицо за нарушение требований режима отбывания наказания подвергалось в течение года взысканию в виде перевода в помещение камерного типа (одиночную камеру), единое помещение камерного типа или переводилось в тюрьму. Автор на основе анализа ранее действующего уголовного (ст. 188.3 УК РСФСР), исправительно-трудового законодательства и практики их применения оценивает данные отношения, выделяет проблемы, а также рассматривает перспективы применения уголовной ответственности за злостное неповиновение законным требованиям администрации исправительного учреждения.

Ключевые слова: *злостное неповиновение, законные требования, исправительное учреждение, злостное нарушение, осужденный.*

Общественные отношения по поводу и в процессе исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы наполнены разнообразными механизмами, изменяющими правовой статус осужденного как в пределах одного исправительного учреждения (далее – ИУ), так и в рамках всего наказания. В процессе своего развития прогрессивная система исполнения наказаний выстроила ступенчатый переход от одного правового статуса осужденного к другому во время отбывания им наказания в виде лишения свободы. Во многом это соотносится с реагированием на правонарушения, совершаемые в условиях изоляции личности, и управлением поведением осужденного.

По закону ответ правонарушителю определен двояко: пределами ИУ – путем наложения на осужденного дисциплинарных взысканий, предусмотренных ст. 115 УИК РФ, а также системой мест лишения свободы – в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 78 УИК РФ, когда осужденный может быть переведен в другой вид ИУ, имеющий более широкий круг правоограничений и иную степень изоляции.

На повестке дня вновь появляются вопросы об ужесточении ответственности осужденных, не повинующихся и не выполняющих законные требования персонала ИУ. 17 декабря 2018 г. ФСИН России провела с подведомственными территориальными органами совещание в режиме видеоконференцсвязи, где в рамках обсуждения проекта Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2030 г. рассматривался вопрос о противодействии осужденным отрицательной направленности и стабилизации обстановки в ИУ. В результате складывающейся оперативной обстановки в ИУ рядом территориальных органов ФСИН России были предложены отдельные меры. Так, УФСИН России по Кировской области, учитывая опыт 80–90-х гг. XX в., считает целесообразным рассмотреть вопрос о предложениях по внесению дополнений и изменений в действующий УК РФ. Эти изменения должны предусматривать уголовную ответственность за злостное

неповиновение законным требованиям администрации ИУ либо иное противодействие администрации в осуществлении ее функций лицом, отбывающим наказание в местах лишения свободы, если это лицо за нарушение требований режима отбывания наказания подвергалось в течение года взысканию в виде перевода в помещение камерного типа (одиночную камеру), единое помещение камерного типа или переводилось в тюрьму [1]. То есть речь идет о фактическом реанимировании ст. 188.3 УК РСФСР «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения», введенной в уголовный закон с 1984 г. Каковы же возможные перспективы предлагаемой меры принуждения, а также возникающие в связи с этим проблемы ее интерпретации, ответственности и безопасности в местах лишения свободы? Попробуем разобраться.

Формально на протяжении 13 лет (с 1984 по 1996 г.) рассматриваемая норма уголовного закона РСФСР находила применение. Однако отдельные практические работники УИС, которые непосредственно сталкивались с применением данной нормы, отмечают, что ее «запала» фактически хватило только до начала 90-х гг. XX в. Копившееся десятилетиями недовольство осужденных по поводу режимных требований в ИУ (не всегда обоснованных) вкупе с трендом на гласность и смягчение карательных начал стало основанием к восприятию администрацией мест лишения свободы уголовной ответственности за рассматриваемый вид неповиновения как излишнего раздражителя в отношении изолированных лиц. И без такой меры ответственности к началу 90-х гг. в ИУ страны хватало различных эксцессов и чрезвычайных происшествий (захватов заложников, беспорядков и массовых неповиновений) [2, с. 543].

Последнее десятилетие XX в. во многом изменило отношение к человеку, прежде всего с позиции гуманизма. Нормы о злостном неповиновении осужденного «нашли приют» в определенно трансформированном

виде в уголовно-исполнительном законодательстве РФ. Причем формально само выражение о злостном неповиновении осужденного не соотносится с применением той или иной санкции (уголовной, дисциплинарной), указанной в законе. Сегодня это выражение является лишь основанием применения мер безопасности (физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия). Закон, устанавливая основания применения мер безопасности к осужденным за злостное неповиновение законным требованиям персонала ИУ в виде материальной нормы (ч. 1 ст. 86 УИК РФ), в процессуальных нормах вовсе обходит данную форму неповиновения (ст.ст. 29, 30, 31.2 Закона РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 (ред. от 19.07.2018) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»). В последнем законе выражение «злостное неповиновение законным требованиям администрации ИУ» определяется законодателем как синоним понятиям «нападение», «неповиновение», «противодействие законным требованиям» и т.д.

По своему смысловому значению выражение «злостное неповиновение законным требованиям администрации ИУ» нуждается в безусловной интерпретации, поскольку по крайней мере юристы должны понимать, что имеют в виду правовые акты, а толкователь должен знать язык автора текста [3, с. 66, 67]. К сожалению, сегодня уголовно-исполнительное законодательство РФ весьма скудно на интерпретацию ключевых понятий и категорий (кроме определений, данных в ст.ст. 9, 82 УИК РФ).

Более 30 лет назад постановление Пленума Верховного Суда СССР от 05.04.1985 г. № 4 (ред. от 02.03.1989) «О практике применения судами законодательства об ответственности за злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения» определило злостное неповиновение как открытый отказ от исполнения обращенного к конкретному осужденному требования представителя администрации, который в силу своего должностного положения имел право предъявить данное требование, а осужденный был обязан и мог его выполнить, но умышленно не выполнил (отказ от работы по неуважительным причинам, невыполнение требования о прекращении грубого нарушения режима отбывания наказания и т.п.) [4].

Конечно, такая трактовка злостного неповиновения Верховным Судом СССР отвечала духу того времени, складывавшимся общественным отношениям в местах лишения свободы и относительно свободным интерпретациям текста уголовного закона со стороны судебного корпуса. Однако определенное Верховным Судом СССР понятие злостного неповиновения для сегодняшнего дня представляется не совсем правильным, поскольку открытый отказ осужденного можно определять как его словесное несогласие, что с позиций объективной стороны преступления – деяния, представит в несколько размытом виде. Поэтому целесообразнее было бы вести речь в условиях нарастающего противоречия (например, между сотрудником и осужденным) о бездействии как волевом пассивном поведении осужденного. Однако практически пассивное поведение осужденного может сопровождаться в том числе и

сопротивлением – активными действиями осужденного (отталкиваниями от сотрудника, освобождением от задержаний, удержанием руками и ногами за различные предметы и вещи: кровати, дверные проемы, трубы и т.д.) [5, с. 139].

Указанные выше признаки, собственно, попадают под неповиновение осужденного. Что же тогда является неповиновением, но злостным? То же постановление Пленума Верховного Суда СССР не дает трактовку понятию «злостное». Очевидно, что выражение «злостное» предстает в виде необходимого условия – совершения осужденным нарушения режима отбывания наказания, в результате которого ему было назначено взыскание в виде перевода в помещение камерного типа, одиночную камеру или тюрьму (ст. 53 ИТК РСФСР). Причем такое нарушение должно быть совершено не позднее одного года после отбытия указанных взысканий.

В настоящее время неповиновение (без приставки «злостное») представителям администрации ИУ предстает в системе злостных нарушений режима, совершенных осужденными (ч. 1 ст. 116 УИК РФ). Данная форма злостного нарушения коррелирует с требованиями ч. 3 ст. 11 УИК РФ, в соответствии с которыми осужденные обязаны выполнять законные требования администрации учреждений и органов, исполняющих наказания. При этом выражение «неповиновение представителям администрации исправительного учреждения», во-первых, исключает с лексической точки зрения признак законности действий представителей администрации, ибо дословная интерпретация нормы закона позволяет сделать вывод, что требования администрации ИУ могут быть и не основанными на законе и волюнтаристскими. Во-вторых, в сферу рассматриваемых общественных отношений попадают лишь представители администрации ИУ, состав которых законом не установлен. Получается, что должностные и иные лица, находящиеся в прямом контакте с осужденными и обеспечивающие (сопровождаящие) процесс исполнения наказания в виде лишения свободы (сотрудники подразделений по конвоированию и специального назначения, прокуроры, уполномоченные по правам человека, священнослужители и т.д.), находятся вне установленных отношений [Там же, с. 136, 137]. Очевидно, что в нашем случае к представителям администрации ИУ следует относить всех работников учреждения, поскольку в соответствии с требованиями Минюста России надзор за осужденными является обязанностью всех работников ИУ. В свою очередь, надзор за осужденными включает в себя как постоянное наблюдение, так и контроль за изолированными лицами. Полагаем необходимым злостное нарушение «неповиновение представителям администрации исправительного учреждения» соотнести с обязанностью осужденного в виде выполнения им законных требований администрации учреждений и органов, исполняющих наказания (ч. 3 ст. 11 УИК РФ). Путем внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 116 УИК РФ предлагаем представить данный вид злостного нарушения как «неповиновение работникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы».

Возможно ли существующий вид нарушения режима осужденным в ИУ вновь криминализировать и включить соответствующей нормой в УК РФ?

В настоящий момент неповиновение представителям администрации ИУ является злостным нарушением режима отбывания наказания в виде лишения свободы. Среди других злостных нарушений режима доля данного вида нарушения остается стабильной и за 17 лет (с 2001 по 2017 г.) в среднем составляет от 7 до 13% [5, с. 132; 6, с. 265]. Аналогичная стабильность отмечается в целом по количеству злостных нарушений режима отбывания. За три года (2015–2017) уровень злостных нарушений в структуре нарушений, совершаемых осужденными, в среднем составляет около 3–4%.

Уголовно-исполнительное законодательство РФ и практика исполнения наказаний в виде лишения свободы выработали ответ неповиновущимся законным требованиям представителей ИУ. Во-первых, этот механизм включает в себя юридический факт – признание осужденного злостным нарушителем режима. Во-вторых, существуют весьма широкие возможности по сокращению объема прав и законных интересов осужденных и увеличению степени изоляции как в границах одного учреждения, так и в системе ИУ территориальных органов ФСИН России. Для указанной категории осужденных предусмотрен пятиступенчатый прогрессивный механизм содержания в установленных местах. К таким местам относятся: 1) штрафные изоляторы (ШИЗО), 2) помещения камерного типа (ПКТ; одиночные камеры), 3) запираемые помещения (отряды со строгими условиями отбывания наказания – ОСУОН), 4) единые помещения камерного типа (ЕПКТ), 5) тюрьмы. Для осужденных колоний-поселений: ШИЗО, исправительные колонии общего (строгого) режима.

Аналогичный механизм в 80–90-х гг. XX в. (время применения ст. 188.3 УК РСФСР) фактически являлся половинчатым: в нормах исправительно-трудового законодательства РСФСР и, как следствие, в практике применения отсутствовала возможность помещения осужденных в запираемые помещения (отряды со строгими условиями отбывания наказания), а также ЕПКТ. Учитывая непростую оперативную обстановку в местах лишения свободы, дисциплинарная преюдиция не заставила себя долго ждать и была оформлена в виде дополнений в УК РСФСР (ст. 188.3).

Современный пятиступенчатый механизм изменения объема прав и законных интересов личности, а также увеличения степени ее изоляции (от ШИЗО до тюрьмы) ориентирован на нарушителей и злостных нарушителей режима отбывания наказаний. И если содержание осужденных в рамках одного учреждения (ШИЗО, ПКТ (одиночные камеры), ОСУОН), в принципе, не вызывает вопросов, то содержание осужденных из числа злостных нарушителей режима в ЕПКТ и тюрьме имеет с позиции нашей проблемы некоторые вопросы.

Анализ исполнения мер взыскания и иных мер за злостное нарушение порядка отбывания наказания в ЕПКТ и тюрьме показывает следующее. На 1 января 2018 г. в УИС России предусматривалось 139 ЕПКТ,

лимит наполнения которых составлял 4 098 человек. Получается, что ЕПКТ по всей стране более чем наполовину не задействованы. Они заполнены лишь на 45% (в 2015 г. – 51%, в 2016 г. – 50%). Фактически на эту дату в ЕПКТ содержались 1 862 человека [6, с. 31]. Аналогичная ситуация в тюрьмах. В течение 2017 г. из исправительных колоний в тюрьму в порядке ч. 4 ст. 78 УИК РФ были направлены только 330 осужденных злостных нарушителей режима отбывания наказания, в то время как число осужденных к отбыванию уголовного наказания в тюрьме составило 1 202 человека [Там же, с. 18, 276]. В целом же, если вообще соотнести лимит тюрем с фактической численностью осужденных в этих учреждениях, результат будет явно не в пользу численности осужденных. Так, лимит наполнения только одной тюрьмы (ФКУ Т № 2 УФСИН России по Владимирской области «Владимирский централ»), который составляет 1 180 человек, фактически перекрывает списочную численность осужденных, содержащихся во всех тюрьмах ФСИН России (на 01.01.2019 г. в восьми тюрьмах страны содержались 1 212 осужденных) [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что возможности ЕПКТ и тюрем в отношении злостных нарушителей режима отбывания наказания не используются в полной мере либо процесс перевода (направления) осужденных в ЕПКТ и тюрьмы бюрократизирован на уровне территориальных органов ФСИН России или ФСИН России. Как следствие, отсутствие наполненности ЕПКТ и тюрем более чем наполовину не является аргументом в пользу необходимости введения уголовной ответственности в отношении осужденных, не повинующихся законным требованиям работников учреждений и органов УИС.

Если гипотетически предположить, что к осужденному может быть применена уголовная ответственность по аналогии со ст. 188.3 УК РСФСР, то и здесь возникают вопросы. Объективная сторона преступления предполагает, что лицо за нарушение требований режима отбывания наказания ранее подвергалось в течение года взысканию в виде перевода в ПКТ (ЕПКТ), одиночную камеру или переводилось в тюрьму. По определению, перевод в ПКТ, ЕПКТ, одиночную камеру может быть следствием любого злостного нарушения режима отбывания наказания либо системы нарушений.

Современный перечень оснований признания осужденного злостным нарушителем режима отбывания наказания весьма широк: от разового злостного нарушения до системы нарушений. Причем как злостные, так и простые нарушения с формальной точки зрения бывают весьма разнообразными и противоречивыми. С формальной точки зрения единичным нарушением режима отбывания наказания, влекущим признание осужденного злостным нарушителем, является, к примеру, хранение осужденным при себе игральных карт, крема для кожи на спиртовой основе, электрокипятильника кустарного производства и т.д. Система простых нарушений (не менее двух в течение года, если за каждое из этих нарушений осужденный был подвергнут взысканию в виде водворения в ШИЗО) может

быть представлена, например, курением в неустановленном месте, нарушением ношения установленной формы одежды (расстегнутая верхняя пуговица куртки), дарением пачки сигарет другому осужденному и т.д.

Думается, что в таких условиях безопасность осужденного может быть под вопросом: любого «негодного» осужденного можно довести через дисциплинарную преюдицию к реальному (дополнительному) сроку лишения свободы. Возможны волонтаристские проявления со стороны работников учреждений и органов УИС по «работе» с такими осужденными. Видимо, в том числе и поэтому в исправительно-трудовом законодательстве РСФСР была определена норма, призванная минимизировать чрезмерную самостоятельность администрации учреждения в вопросах перевода осужденных в ПКТ. В такой процесс был включен независимый фильтр, поскольку свое решение по переводу осужденных в ПКТ первый руководитель учреждения должен был согласовывать с наблюдательными комиссиями (ст. 54 ИТК РСФСР). Действующим уголовно-исполнительным законодательством РФ такого согласования не требуется.

Судебная практика второй половины 80-х гг. XX в. показала, что к применению судами ст. 188.3 УК РФ были большие вопросы. Уже в то время постановления Пленума Верховного Суда СССР показывали сложность назначения наказания за данный состав преступления: многие суды недооценивали сложность дел, допускали односторонность в исследовании доказательств, предвзято относились к показаниям осужденных. Отмечалось необоснованное осуждение по ст. 188.3 УК РСФСР. Кроме того, Верховный Суд СССР делал акцент на том, что имелись факты злоупотреблений администрацией учреждений, ее бездействия, плохой организации труда и бытовой неустроенности осужденных, что в итоге становилось причиной совершения преступления [8].

Думаем, что сегодня включение нормы в УК РФ, предусматривающей ответственность за злостное не-

повиновение работникам учреждений и органов УИС, будет проблематичным. Широкое общественное и научное обсуждение и диспуты, позиции заинтересованных в разрешении вопроса государственных и общественных структур, должностных лиц, а также определенный в последние десятилетия тренд на гуманизацию уголовной и уголовно-исполнительной политики могут стать серьезным препятствием в продвижении законопроекта о введении рассматриваемого вида уголовной ответственности.

Полагаем введение нормы уголовного закона, предусматривающей ответственность за злостное неповиновение работникам учреждений и органов УИС, не только преждевременным, но и в целом необоснованным. Помимо приведенных доводов и анализа рассматриваемых общественных отношений стоит отметить еще и проблемность применения дисциплинарной (административной) преюдиции. Справедливо в связи с этим пишет Н.А. Лопашенко, что преступление с административной преюдицией – искусственно созданная законодателем конструкция, имеющая эффект с бессмысленным уничтожением границ преступного и непроступного [9, с. 71].

Действующий уголовный закон РФ обеспечивает безопасность человека (ст. 7). Эта безопасность является всеобъемлющей и имеет отношение в том числе к лицам, совершившим преступление и отбывающим наказание по приговору суда. Отказ от идеи возвращения к положениям ст. 188.3 УК РСФСР и введения уголовной ответственности за злостное неповиновение представителям учреждений и органов УИС, на наш взгляд, должно компенсироваться предупредительными возможностями уголовно-исполнительного законодательства РФ и сложившейся практики: общей и индивидуальной профилактикой правонарушений в ИУ, активизацией вопросов о направлении злостных нарушителей режима отбывания наказания в ЕПКТ и тюрьмы, а также мерами воспитательного воздействия в среде осужденных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационное письмо УФСИН России по Кировской области заместителю директора ФСИН России генерал-лейтенанту внутренней службы В.Г. Боярину от 20.12.2018, исх. 44/ТО/18/3-16016.
2. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 610 с.
3. Атарицкова Е.Н. Герменевтика в праве (историко-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. 400 с.
4. О практике применения судами законодательства об ответственности за злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 05.04.1985 № 4 (ред. от 02.03.1989) // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986). М., 1987.
5. Абатуров А.И. Профилактика злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях. М. : Междунар. юрид. ин-т, 2010. 212 с.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2017 г.) : информационно-аналит. сб. Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2018. 393 с.
7. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России. Главная. Статистические данные : офиц. сайт. 13.01.2019. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 21.01.2019).
8. О судебной практике по делам о преступлениях, совершаемых в исправительно-трудовых учреждениях : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 марта 1989 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 3. С. 5.
9. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64–71.

Malicious Disobedience to the Requirements of a Correctional Facility Administration: Problems of Interpretation, Liability and Security in Detention Facilities

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 117–121. DOI: 10.17223/23088451/13/23

Renat Z. Useev, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Samara, Russian Federation). E-mail: useev@rambler.ru

Keywords: malicious disobedience, legal requirements, correctional facility, malicious violation, convict.

Criminal legal relations in correctional facilities are characterized by a complex of means that deter crimes and offenses among convicts. Subjects providing for penal legal relations, i.e. territorial agencies of the Federal Penitentiary Service of Russia, suggest considering the issue of proposals for making amendments and addendums to the current Criminal Code of the Russian Federation. These proposals actually come down to the revival of Article 188.3 of the Criminal Code of the RSFSR, which provided criminal liability for malicious disobedience to the lawful demands of the prison administration by the convicted person, if during a year this person was subject to a transfer to a cell-type room (single cell), or was transferred to prison. The author analyzed Article 188.3 of the Criminal Code of the RSFSR, a number of norms of corrective work legislation and their application and noted the problems of lexical, legal and organizational nature. In the article, he expresses his position on the prospects for the application of criminal liability for malicious disobedience to the legal requirements of the prison administration.

References

1. Information letter of the Department of the Federal Penitentiary Service of Russia in Kirov Oblast to the deputy director of the Federal Penitentiary Service of Russia, Lieutenant General of the internal service V.G. Boyarinev of 20 December 2018 Ref. 44/TO/18/3-16016. (In Russian).
2. Uporov, I.V. (2004) *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoy analiz tendentsiy razvitiya* [Penitentiary policy of Russia in the 18th–20th centuries. Historical and legal analysis of development trends]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
3. Atarshchikova, E.N. (1999) *Germenevtika v prave (Istoriko-pravovoy analiz)* [Hermeneutics in law (Historical and legal analysis)]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
4. Smolentsev, E.A. (ed.) (1987) O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za zlostnoe nepovinoenie trebovaniyam administratsii ispravitel'no-trudovogo uchrezhdeniya: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 05.04.1985 № 4 (red. Ot 02.03.1989) [On the practice of application by courts of legislation on liability for malicious disobedience to the requirements of the administration of a correctional labor facility: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 4 of 04 April 1985 (as amended on 02 March 1989)]. In: *Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR (1924–1986)* [Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR (1924–1986)]. Moscow.
5. Abaturov, A.I. (2010) *Profilaktika zlostnykh narusheniy ustanovlennoy poryadka otbyvaniya nakazaniya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh* [Prevention of malicious violations of the established order of punishment in correctional facilities]. Moscow: Mezhdunarodnyy yuridicheskiy institut.
6. Research Institute of Information Technology of the Federal Penitentiary Service of Russia. (2018) *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy FSIN Rossii (yanvar' – dekabr' 2017 g.): informatsionno-analiticheskiy sbornik* [Main indicators of the activity of the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service of Russia (January – December 2017): information and analytical collection]. Tver: Research Institute of Information Technology of the Federal Penitentiary Service.
7. Federal Penitentiary Service of Russia. (2019) *Kratkaya kharakteristika ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Brief description of the penitentiary system]. [Online] Available from: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>. (Accessed: 21.01.2019).
8. Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR. (1989) O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, sovershaemykh v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 2 marta 1989 g. № 1 [On court practice in cases of crimes committed in corrective labor facilities: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 1 of 2 March 1989]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR*. 3. pp. 5.
9. Lopashenko, N.A. (2011) Administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave – net! [No to administrative prejudice in criminal law!]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 3(23). pp. 64–71.